

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН В НЕАПОЛЕ, СОРРЕНТО И НА ОСТРОВЕ КАПРИ

(ВЕСНА-ЛЕТО 1858 г.)

Чичерин Борис Николаевич (26.05.1828, Тамбов – 3.02.1904, Москва) – правовед, философ, историк, мемуарист. Академик (1893). Согласно семейному преданию, Чичерины вели свое происхождение от итальянца Чичерини, приехавшего в 1472 г. Москву в свите дочери византийского императора Софии Палеолог, выходящей замуж за русского царя Ивана III. Правда, сам Б.Н. Чичерин больше верил более поздним документам, согласно которым его предком был некий «Матвей Меньшой», который «за московское сидение» при царе Василии III получил в начале XVI в. вотчины в Лихвинском и Перемышльском уездах, откуда эта ветвь Чичериных перешла в Тамбовский край.

Окончил юридический факультет Московского университета; под влиянием своего наставника, профессора-историка Тимофея Николаевича Грановского, сформировался как «русский европеист», критично относящийся к идеям «национальной исключительности»:

«Я пламенно любил отечество и был искренним сыном православной церкви... Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, от роду не видал... Вне московских салонов русская жизнь и европейское образование преспокойно уживались рядом; и между ними не оказывалось никакого противоречия; напротив, успехи одного были чистым выигрышем для другого».

В 1857 г., с ослаблением в России цензуры после смерти царя Николая I, Борис Чичерин защитил, наконец, магистерскую диссертацию и тогда же решил предпринять большое заграничное путешествие для изучения политики и культуры европейских стран. В Предисловии к своим мемуарам о поездке в Европу в 1858–1861 гг. он писал:

«В настоящее время путешествие за границу дело самое обыкновенное. При легкости и удобстве сообщений, едва ли найдется образованный человек, который бы не объехал почти всю Европу. Не то было в прежние времена, когда железные

дороги еще не существовали, а русское правительство, особенно с 1848 года, делало всякие затруднения подданному, дерзающему преступить священные пределы отечества... Но с новым царствованием и с заключением мира (после Крымской войны. – А.К.) все препятствия разом исчезли. Двери отворились настежь, и вся Россия ринулась за границу. Я последовал общему течению. Это был целый новый мир, который открывался передо мною, мир, полный прелести и поэзии, представлявший осуществление всех моих идеалов. Чудеса природы и искусства, образованный быт стран, далеко опередивших нас на пути просвещения, наука и свобода, люди и вещи – все это я жаждал видеть своими глазами: я хотел насытиться новыми, свежими впечатлениями, представляющими человеческую жизнь в ее высшем цвете».

В мае 1858 г. Б.Н. Чичерин отправился в Италию, где в Турине (столице Сардинского королевства) в русском посольстве работал его брат Василий. Потом были Ницца, озера Северной Италии, Швейцария, путешествие по Рейну, Лондон (где Чичерин встречался с А.И. Герценом), Париж, снова Ницца и, наконец, поездка в Рим, откуда ранней весной 1859 г. Чичерин отправился в Неаполь – «посмотреть на самую красивую природу, какая, может быть, существует на земном шаре»:

«Здесь в дивной гармонии соединяется все, что может пленить чувства человека: край, издавна манивший своею красотой, полный исторической и современной жизни, как бы лелеющийся на солнце под безоблачным нежным небом, при ярко голубом море; кругом ласкающий воздух, напоенный ароматами, плавные линии гор, померанцевые рощи и стройные пинии и над всем этим величественный и вместе удивительно красивый Везувий с дымящейся вершиною, который, как одинокий великан, вздымается над равниною, словно любясь расстилающеюся у ног его прелестью».

Осмотрев богатейшие музеи Неаполя, Чичерин посетил Помпеи, а потом съездил в Сорренто:

«Сидя на висящей над морем скале, я вдыхал в себя этот упоительный воздух и любовался закатом солнца, тихо погружающегося в море и озаряющего своими золотыми лучами эту очаровательную картину... Я долго сидел и не мог наглядеться на восхитительное зрелище, которое открывалось моим взорам: у подножия лежал гладкий, как зеркало, отражающий голубое небо Неаполитанский залив; налево рисовались на горизонте дымчатые очертания замыкающих его островов, величественного Капри и изящного Иския; впереди расстилающийся полукругом Неаполь и весь усеянный вилами берег; справа поднимающийся плавными линиями высокий Везувий, увенчанный легким дымком, кругом яркая зелень апельсиновых рощиц с перемешанными между ними розовыми цветами персиков и блистающими на солнце каплями недавней росы, все это облитое тихим сиянием апрельского утра с носящимся в теплом и влажном воздухе весенним благоуханием. Это одно из тех впечатлений, которые не забываются ввек...»

Из Сорренто Чичерин плывал на Капри, где побывал в Лазоревом гроте, а затем «въехал верхом на осле на высокую, отвесно вздымающуюся над морем скалу Тиберия, некогда любимый приют сумрачного деспота, отсюда правившего миром»:

«Опять мне представился тот же вид, но в еще большем величии: с одной стороны, далеко внизу, весь окаймленный горами и поселениями Неаполитанский залив, а с другой стороны безграничная, бездонная лазурь и наверху и внизу, лазурь сияющая таким удивительным блеском и манящая к себе такую чудною глубиною, что очарованный взор так в ней и тонет и не в силах от нее оторваться».

Уже искушенному путешественнику по Европе, Чичерину было с чем сравнивать красоты неаполитанского и амальфитанского побережья:

«Я видел северную ривьеру от Ниццы до Специи и думал, что в мире не может быть ничего красивее этого сочетания величественных скал и лазурного моря, с дорогою, извивающеюся по берегу, украшенному противоположною зеленью померанцев и олив, с всюду ползущими растениями по оградам, и с живописно развернутыми местечками и городками, где самые простые постройки просятся на картину. То же самое я увидел и на южной ривьере, между Амальфи и Салерно, но в еще большем величии и красоте: здесь скалы еще живописнее, море сияет еще более яркою лазурью».

Через Салерно, Чичерин доехал до Пестума, где видел «удивительно сохранившиеся древние дорические храмы, возвышающиеся среди пустынной равнины по всей их гармонической простоте и изяществе». Вернувшись в Неаполь, он, в довершение, совершил восхождение на Везувий вместе со своим старинным другом, известным литератором Д.В. Григоровичем и несколькими русскими офицерами-морьяками. Из Неаполя Чичерин уехал во Флоренцию, а оттуда – снова к брату в Турин.